

Ханна Арендт — «Банальность зла»

Приложение к «Напутствию дочери» · Год двадцать пятый

Этот пересказ — не конспект. Это разговор о книге, которую трудно забыть. Читай его как продолжение разговора, начатого в двадцать пять, — о мире, который шире твоего опыта, о людях, непохожих на тебя, и о том страшном открытии, которое Арендт сделала в Иерусалиме в 1961 году: зло не приходит с рогами. Оно приходит в пиджаке.

I. Как родилась книга

Весной 1961 года Ханна Арендт — немецкая еврейка, бежавшая от Гитлера, философ, автор «Истоков тоталитаризма» — садится на самолёт до Иерусалима. Журнал *The New Yorker* командировал её освещать процесс над Адольфом Эйхманом — высокопоставленным офицером СС, который организовывал транспортировку миллионов евреев в лагеря уничтожения. Она хотела, по собственному признанию, «последний раз увидеть крупного нациста живым».^{[1][2]}^[^3]

Она ожидала монстра. Она нашла — бюрократа.^[^4]

Репортажи из Иерусалима выходили в *The New Yorker* с февраля по март 1963 года. В том же году они вышли книгой под названием, которое вошло в историю мысли XX века: «Эйхман в Иерусалиме. Отчёт о банальности зла». Книга немедленно вызвала скандал — в первую очередь среди евреев всего мира. До сих пор её не могут простить. И до сих пор не могут опровергнуть.^{[5][6]}^[^7]

II. Человек в стеклянной клетке

Эйхман сидит в стеклянной клетке — специально возведённой, чтобы защитить его от возможного покушения. «Субтильного телосложения, средних лет, лысеющий» — он «в течение всего процесса тянул свою морщинистую шею в сторону судейской скамьи».^[^6]

Арендт смотрит на него и не находит того, что искала.^[^8]

Адольф Эйхман родился в 1906 году — в один год с Арендт. Бросил несколько учебных заведений, не окончил ни одного. Работал разъездным торговым представителем нефтяной компании. В 1932 году, потеряв место, вступил в нацистскую партию — не из убеждений, а потому что хотел принадлежать к чему-нибудь, «начать с чистого листа». По подсказке знакомого записался в СС. Попал в картотечный отдел. Там его таланты чиновника и бюрократа расцвели в полную силу.^{[1][4]}^[^6]

Перекладывая карточки, он сделал карьеру. К концу войны Эйхман возглавлял отдел IV В 4 Главного управления имперской безопасности — «еврейский отдел», занимавшийся депортацией. В 1942 году он вёл протокол Ванзейской конференции, на которой было одобрено «Окончательное решение еврейского вопроса». В 1944-м организовывал депортацию венгерских евреев в Освенцим.^[^4]

После войны бежал в Аргентину. Жил там под именем Рикардо Клемент. Открыто рассказывал соседям о своём прошлом. В 1960 году агенты Моссада схватили его в пригороде Буэнос-Айреса и тайно — нарушив суверенитет Аргентины — переправили в Израиль.^[^3]

Процесс начался в 1961-м. На скамье подсудимых — человек, благодаря которому погибли шесть миллионов евреев.

Полдюжины психиатров признали его абсолютно нормальным. Один из них воскликнул: «Во всяком случае, куда более нормальным, чем был я после того, как с ним побеседовал!»^{[1][4]}

III. Он не был Яго

Обвинение строило процесс вокруг образа монстра. Генеральный прокурор Гидеон Хаузнер открыл заседания знаменитыми словами: «Представ здесь перед вами, судьи Израиля, дабы вести обвинение против Адольфа Эйхмана, я стою не один. Со мной вместе в этот час — шесть миллионов обвинителей». Зал суда превратился в театр страдания еврейского народа — так хотел премьер-министр Бен-Гурион, так видел свою задачу Хаузнер.^{[9][3][^1]}

Арендт возражает: это плохая история и дешёвая риторика. Не потому что страдание не настоящее — оно настоящее, оно реально и невыносимо. Но подмена цели процесса политическим спектаклем скрывает нечто более важное: правду о природе самого Эйхмана.^[^1]

«Он был не Яго и не Макбетом», — пишет Арендт. У него не было грандиозных злодейских мотивов. У него вообще почти не было мотивов — в том смысле, в каком мы привыкли понимать это слово. Он не ненавидел евреев. Более того: когда ему впервые сообщили о плане тотального уничтожения, его «печалила» эта необходимость. Но он принял её — как принимают приказ.^[^6]

«Что бы он ни писал в своих мемуарах в Аргентине и в Иерусалиме, что бы он ни произносил во время предварительного следствия и в суде, он использовал одни и те же слова». Штампы. Канцеляризмы. Эвфемизмы. Он говорил о «переселении» и «окончательном решении» так, как говорят о логистике — потому что нацистская система специально изобрела этот язык: не для того, чтобы исполнители не понимали, что делают, а «для того, чтобы отучить их сравнивать языковые нормы с прежним, нормальным пониманием того, что есть убийство».^{[8][4]}

IV. Бездумность как преступление

Вот главное открытие Арендт, и оно — самое пугающее.

Эйхман не был тупым. Арендт специально подчёркивает разницу: он был *безыдейным*, что совершенно не то же самое, что глупым. Он был неспособен думать — в том смысле, в каком Арендт понимает мышление: как способность встать на место другого, задать себе моральный вопрос, увидеть реальность такой, какая она есть.^{[4][6]}

«Чем дольше вы его слушали, тем становилось более понятным, что его неспособность выразить свою мысль напрямую связана с его неспособностью мыслить, а именно неспособностью оценивать ситуацию с иной, отличной от собственной точки зрения».^[^4]

Он жил в мире клише. Клише защищали его от реальности — надёжнее любой стены. За клише не нужно ни думать, ни чувствовать, ни отвечать. Клише уже содержат в себе готовый ответ на любой вопрос.[^1]

На суде Эйхман заявил, что всегда старался следовать категорическому императиву Канта. Арендт не смеётся над этим — она разбирает это всерьёз и приходит к жуткому выводу. Он действительно следовал *какому-то* императиву. Только не кантовскому. Кант имел в виду: поступай так, чтобы максима твоего поступка могла стать всеобщим законом — законом, который ты сам себе предписываешь как разумное существо. Эйхман же следовал другому правилу — тому, которое впоследствии сформулировал Ганс Франк: «Поступай так, чтобы фюрер, узнав о твоих поступках, мог тебя за них похвалить». Законодатель для него — не его собственный разум и не моральный закон, а Гитлер.[^4][1]

Когда в конце войны Гиммлер приказал прекратить уничтожение евреев, Эйхман продолжил. Потому что Гитлер не давал такого приказа. А значит — закон гласил: продолжать. Эйхман был до конца законопослушным гражданином. Это и был его приговор — и ужас.[^3]

V. Моральный коллапс

Арендт задаётся вопросом, который мучит её на протяжении всей книги: как это стало возможным? Один человек — ладно. Но система?

Нацизм перевернул правовой и моральный порядок с ног на голову. Зло стало нормой — законом страны. А «обычное добро стало просто соблазном, которому большинство немцев научились не поддаваться».[^10]

Арендт описывает, как это произошло: тоталитаризм держится не только на насилии, но и на «тирании логичности». Человек доверяет производство своих мыслей системе — и тем самым предаёт свою внутреннюю свободу. Пропаганда Геббельса работала именно так: «чем чудовищнее ложь, тем охотнее в неё верят». Любая идея становится «реальной», когда её разделяют миллионы и действуют сообразно ей.[^4]

Восемьдесят миллионов немцев были «защищены от реальности и фактов теми же самыми средствами, тем же самообманом, ложью и глупостью», которые стали сутью менталитета самого Эйхмана. Это не оправдание. Это диагноз.[^11]

VI. Тёмная глава: еврейские советы

Самая спорная часть книги — и та, за которую Арендт больше всего поносили.[^12]

В каждой оккупированной стране нацисты требовали создания еврейских советов — *Judenräte* — и наделяли их огромной властью над своими общинами. Советы составляли списки, организовывали явку на депортацию, управляли гетто. Некоторые их лидеры думали, что сотрудничество смягчит участь евреев. Некоторые были под невыносимым принуждением. Некоторые — просто спасали себя.[^13]

Арендт не оправдывает нацистов и не «обвиняет жертв» — она сама гневно отвергает это обвинение. Её мысль тоньше и страшнее: моральный коллапс затронул всех — и палачей, и тех, кого они убивали. Само существование советов было возможно только потому, что нацизм разрушил ту моральную почву, на которой стоят человеческие сообщества. Это не вина жертв. Это масштаб катастрофы.[^7][1]

Ей не простили, что она об этом написала. Но она написала — потому что не писать об этом значило бы солгать.

VII. Дания, Антон Шмидт и вопрос о сопротивлении

В книге есть момент, когда в зале суда устанавливается тишина.^[^3]

Один из свидетелей упоминает немецкого армейского сержанта по имени Антон Шмидт. Шмидт помогал евреям бежать из польских гетто — снабжал их поддельными документами и транспортом. Когда это раскрылось, его расстреляли.^[^6]

«В течение тех нескольких минут, что были подобны неожиданному лучу света посреди непроглядной тьмы, в умах присутствующих расцвела мысль — ясная, неопровержимая: если бы подобное происходило бы чаще тогда, насколько все могло бы быть иначе сегодня».^[^6]

Арендт возвращается к этому снова и снова. Сопротивление — никогда не бесполезно. Дания — её главный пример: единственная оккупированная страна, которая организованно спасла почти всё своё еврейское население. Никакого героизма с оружием в руках — просто люди отказались. Отказались доносить. Отказались выдавать. Отказались притворяться, что не видят. И нацистский аппарат в Дании — те же самые люди, которые в других странах хладнокровно выполняли приказы — «оказался заражён» этим человеческим отказом и «не смог преодолеть в себе человеческое отвращение к своей задаче».^{[3][1]}

Арендт делает из этого вывод, который звучит как приговор всей теории о «неизбежности зла»: тоталитаризм никогда не бывает тотальным. Всегда остаётся выбор. И цена этого выбора — иногда жизнь. Но он есть.^[^1]

VIII. Суд и его изъяны

Арендт поддерживает смертный приговор Эйхману — недвусмысленно и без колебаний. Её последние слова к нему в книге звучат так: «Никто из нас — то есть никто из людей — не может ожидать, что будет делить землю с тобой. Вот единственная причина, по которой ты должен быть повешен».^[^1]

Но суд как процедуру она критикует. Резко и подробно.

Израиль не имел юрисдикции над преступлениями, совершёнными за пределами его территории, — он нарушил суверенитет Аргентины, похитив Эйхмана, и нарушил нормы международного права, судя его в Иерусалиме. Прокурор Хаузнер превратил процесс в инструмент государственной политики: свидетели рассказывали о страданиях в Восточной Европе, где у Эйхмана не было никаких полномочий. Это было политическим театром — и Арендт говорит об этом прямо.^{[3][1]}

Важнее другое: суд упустил главное. Он не осмыслил беспрецедентный характер преступления. Геноцид — не просто убийство людей определённой национальности. Это преступление против человеческого разнообразия как такового, против самой идеи множественности людей на земле. Такое преступление требует международного суда — не национального. Иначе у него нет настоящей правовой рамки. Арендт понимала, что мир ещё встретится с подобным — и встретится без нужных инструментов.^[^3]

IX. Что такое «банальность зла»

Арендт неоднократно предупреждала, что её не поняли.

«Банальность зла» — не теория и не объяснение. Это наблюдение. Описание феномена, который «смотрел ей в лицо» во время процесса. Она не говорила, что зло — это нечто обычное или незначительное. Она говорила: зло может быть совершено без злого умысла, без демонических глубин, без патологии — из одной лишь бездумности, из отказа от самостоятельного мышления.^[14]

«Такая удалённость от реальности и такая бездумность могут причинить больше вреда, чем все злые инстинкты, вместе взятые, которые, возможно, присущи человеку, — вот какой урок можно было извлечь в Иерусалиме».^[14]

Зло «банально» не потому что оно мелко — последствия его были чудовищны. Оно «банально» потому что лишено корней. Оно поверхностно. Оно не думает. Оно просто исполняет.^[6]

И именно поэтому — страшно.

Потому что если бы зло было чем-то присущим только монстрам, мы могли бы успокоиться: нас среди них нет. Но если зло — продукт бездумности, продукт отказа думать своим умом, продукт удобства подчинения системе — то граница между нами и Эйхманом становится вопросом выбора. Выбора, который нужно делать каждый день.

X. Одно лишь добро радикально

В июле 1963 года, когда скандал вокруг книги достиг пика, Арендт написала в частном письме: «Одно лишь добро радикально».^[6]

Зло, как она поняла в Иерусалиме, не может быть радикальным — оно может быть только экстремальным. Оно не уходит в глубину, потому что мысль, погружённая в зло, остаётся бесплодной: она ничего не находит внизу. Зло — это пустота, притворяющаяся чем-то.^[6]

Добро — другое. Добро требует корней: думать, видеть другого, нести ответственность, говорить правду, когда это опасно. Именно поэтому Антон Шмидт — радикален. Датчане — радикальны. Каждый, кто отказался притворяться, — радикален.

«Брешей забвения не существует, — писала Арендт. — Всегда найдётся человек, которому будет что рассказать».^[15]

Послесловие от матери

Доченька.

Арендт — в твоём двадцать пятом году неслучайно. В этот год мир становится шире твоего опыта. Ты начинаешь понимать, что история — не в учебнике. Она в людях. В их выборах. В том, думали ли они своим умом — или нет.

Эта книга не о нацизме. Она — о тебе. О любом из нас, кто когда-либо соглашался с чем-то, не задав себе вопроса: а правильно ли это? О системах, которые превращают людей в инструменты. О языке, который

убаюкивает совесть. О том, что молчание — тоже выбор.

Арендт задавала самые неудобные вопросы. Её не любили за это. Она не извинялась. «Тон — это и есть человек», — говорила она о себе. Это — и о тебе.

Думай. Даже когда неудобно. Особенно — когда неудобно.

Твоя мама

«Зло банально, ибо не имеет корней. Одно лишь добро радикально.»

— Ханна Арендт

References

1. [Eichmann in Jerusalem - Wikipedia](#)
2. ["Banalität des Bösen" – was hinter Hannah Arendts bekanntesten Worten steckt - Eine der größten Philosophinnen wird berühmt mit einer umstrittenen Formulierung über einen NS-Verbr...](#)
3. [Eichmann in Jerusalem by Hannah Arendt Plot Summary | LitCharts](#) - Get all the key plot points of Hannah Arendt's Eichmann in Jerusalem on one page. From the creators ...
4. [Банальность зла - Ханна Арендт - Level One](#) - Арендт попыталась определить природу морального зла на примере идеолога Холокоста — Эйхмана. В этой ...
5. [The Banality of Evil](#) - The book "Eichmann in Jerusalem: A Report on the Banality of Evil" was written by Hannah Arendt and ...
6. [Ханна Арендт. «Одно лишь добро радикально»](#) - Шестьдесят лет назад вышла в свет книга «Банальность зла». Ханна Арендт наблюдала за судом над бывши...
7. [Arendt Speculates on the Banality of Evil | History | Research Starters](#) - Arendt argued that evil could result from the unthinking actions of ordinary people, an idea that fi...
8. [kerigma: Ханна Арендт «Эйхман в Иерусалиме. Банальность зла»](#) - Книга описывает с одной стороны собственно процесс, но также и биографию (особенно служебную) Эйхман...
9. [Ханна Арендт «Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме - Финбан](#) - Арендт написала не исторический труд, а подробное, разделенное на множество случаев и примеров, расс...
10. [Ганна Арендт про банальність зла](#) - Творчість Ганни Арендт унікальна у своїй політичній та етичній філософії. У своїй книзі «Айхман в Єр...
11. [Ханна Арендт. Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме](#) - Цитаты из книги «Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме» Ханна Арендт.
12. [Wrestling with Hannah Arendt's "Banality of Evil" - Jewish Currents](#) - Arendt never fully defined the “banality of evil,” but argued that evil was committed by ordinary pe...
13. [\[DOC\] Hannah Arendt's Eichmann in Jerusalem](#)
14. [Quote by Hannah Arendt: “For when I speak of the banality of evil, I ... - For when I speak of the banality of evil, I do so only on the strictly factual level, pointing to a ...](#)

15. Мысли и афоризмы Ханны Арендт - LiveJournal - * «Брешей забвения» не существует. Всегда найдётся человек, которому будет что рассказать. [«Банальн...